

**СОВРЕМЕННОЕ
РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ
ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

**Часть
2**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ч. II

Москва 1992

28. Власова Э.Н., Деева Е.А., Кравец Л.Н., Файзиева З.
Формирование рабочего класса в дореволюционном
Узбекистане. Ташкент, 1979, с. 28.
29. ЦГА УзССР, ф. И-269, оп. I, д. 562, л. 3.

О.И. Брусина

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ УЗБЕКИСТАНА. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Русские и украинцы, старожилы бывших переселенческих сел Узбекистана^х, представляют собой одну из своеобразных этнических групп, сложившуюся в окружении среднеазиатского населения и, по-видимому, обреченную на исчезновение в настоящее время, особенно после получения Узбекистаном статуса независимого государства. Ее изучение представляет интерес не только в смысле традиционных "этнографических" аспектов, в частности – сложения этнокультурных особенностей у населения, оторванного от основного этнического ядра, но и с точки зрения проблемы адаптации к условиям сельских районов Средней Азии, характера возникающих при этом межэтнических и социальных отношений между представителями различных социо-нормативных культурных ориентаций, и шире – роли "этнического

х) Полевые работы проводились в 1985–1989 гг. в Сырдарьинской области Узбекистана в Гулистанском, Ворошиловском и Сырдарьинском районах, в Мархаматском районе Андижанской области.

фактора" в структурировании общества, в формировании того или иного социально-культурного облика отдельных групп населения и их взаимодействия в многонациональных районах этой республики.

Русские и украинские переселенцы появились в Средней Азии около столетия назад, вскоре после ее присоединения к Российской империи. На территории современного Узбекистана первые переселенческие села были основаны в 80-х годах XIX века. Переселялись в первую очередь страдавшие от малоземелья крестьяне из центральных губерний России и Малороссии, надеявшиеся достичь благосостояния, осваивая целинные земли Туркестанского края, а также люди, подвергавшиеся по тем или иным причинам преследованиям властей, в частности, последователи некоторых сектантских течений. Среди информаторов встречались потомки выходцев из Воронежской, Смоленской, Саратовской, Орловской, Самарской, Пензенской, Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Винницкой губерний, из Донского казачества, с Урала (в том числе уральские казаки), без сомнения, были переселенцы и из других губерний¹.

По сравнению с такими районами массового водворения крестьян, как казахские степи и некоторые районы, отошедшие к Кыргызстану, территория современного Узбекистана отличалась значительно более высокой плотностью коренного населения. Это обстоятельство предполагало элемент нестабильности в жизни переселенцев, оказавшихся на землях будущего Узбекистана, так как возникала возможность соперничества между пришлым и местным населением – по поводу владения землей, пользования природными ресурсами, в первую очередь – водными. В этой местности возникло относительно небольшое число русских сел, в дальнейшем их ожидала иная судьба, чем более многочисленные "русские островки" в Казахстане и Кыргызстане, многие из которых, хотя и размытые, продолжают свое существование и сегодня. Однако за два десятилетия после возникно-

вения – несмотря на трудности и лишения, которые испытывали люди в первые годы жизни на новых местах, недостатки в организации крестьянского движения, и в этом районе большинство населенных пунктов, основанных переселенцами, стали растущими и процветающими селениями, впоследствии явившимися основой для сельскохозяйственного и промышленного развития прилегающих территорий.

Немалое значение в этом процессе имели заложенные в переселенческой политике определенные принципы, позволявшие за десять-двадцать лет организовывать крестьянские хозяйства, способные к длительному самостоятельному развитию в непривычных условиях Средней Азии, свести к минимуму противодействие местного населения.

В стремлении избежать возможных всплесков недовольства местного населения, споров по поводу земельных владений, правительство и администрация Туркестанского края действовали весьма осмотрительно при выборе районов для водворения переселенцев. Как правило, для этой цели выделялись "дикие", неосвоенные местным населением, неорошаемые земли – пустующие, либо лежащие на периферии казахских или киргизских кочевий, либо в районах с редкими небольшими поселениями земледельческого населения – сартов. Так, основным районом водворения крестьян на территории современного Узбекистана и пограничных с ним местностей Казахстана стала юго-восточная часть Голодной степи и Дальверайнская степь – бывшие Ходжентский уезд Самаркандской области и Ташкентский уезд Сырдарьинской области, где плотность населения по переписи 1897 года составляла соответственно 9, 24 и 11,54 человек на кв. версту, включая города². Эти нуждающиеся в мелиорации солончаковые, местами заболоченные земли частично использовались кочевым казахским и узбекским населением для выпаса скота. Ужине, главным образом в Дальверайнской степи, вдоль старого караванного маршрута, располагались небольшие (по несколько десятков дворов)

кишлаки оседлых узбеков и других местных народов. Поселения оседлого сартского населения находились и в Ташкентском уезде³.

Правилом было не насильственное изъятие земли у коренных жителей, а получение ее путем купли или по договору с местными крупными землевладельцами – баями. Было лишь одно переселенческое село, образованное в густонаселенной местности на юге Ферганской долины, в Андижанском уезде – в качестве "назидания" коренным жителям, напавшим на расположенный там русский гарнизон в 1898 году (Андижанское восстание)⁴.

Орошение земель, строительство ирригационной системы осуществлялось практически полностью самими крестьянами-переселенцами, по мере "обводнения" на участках земли образовывались поселки, возникали крестьянские хозяйства. Если позволяла освоенная площадь, поселки планировались сразу на большое число хозяйств – в среднем на 100–200 семей. Это позволяло создавать в каждом из них достаточно развитую инфраструктуру. Однако встречались и значительно меньшие села. Норма надела на одно хозяйство составляла в среднем около 6–20 га, в зависимости от наличия свободной земли и ее плодородия, – такой надел считался достаточным, чтобы обеспечить прожиточный уровень одной семьи.

В Туркестане после его присоединения к Империи фактически существовали две параллельные структуры управления – "туземный" и "русский военно-чиновный" аппараты, подчиненные генерал-губернатору края. Такая система создавала определенную дистанцию и автономность в развитии двух групп жителей. И коренное и европейское население независимо друг от друга выбирало волостное управление и судей из своей среды (в волости, как правило, объединялись либо только русские, либо только "туземные" населенные пункты), что позволяло людям, ориентированным на различные социо-культурные нормы, рассчитывать на привычные

формы управления, не нарушающие в целом сложившегося, традиционного уклада их жизни.

В каждом переселенческом селе образовывалось отдельное сельское общество, выбирались староста и его заместитель, деятельность которых контролировалась русской администрацией, участковым приставом, в крупных селах существовали и должности полицейских⁵. Несколько сельских обществ составляли волость, на волостных съездах, куда избирались на сельских сходах представители, избиралось волостное управление и кандидаты на эту должность⁶. Хотя отношение общины к собственности на землю было различным (чаще всего участки передавались крестьянам с правом пользования, иногда - в частную собственность, в ряде сел была общинная форма землеустройства⁷, проводился передел земли или угодий), тем не менее крестьянская община сохраняла многие важные функции вплоть до коллективизации, оставаясь основой крестьянского самоуправления. Сельский сход решал вопросы о приеме новых членов, об ассигнованиях на строительство и содержание общественных построек, о взаимопомощи и другие. Одной из важнейших функций сельской власти в условиях Средней Азии стала организация общественных работ - в первую очередь, содержание ирригационных систем.

Важным условием, обеспечивающим самостоятельное развитие, "самодостаточность" сел, были организация их экономической жизни, наличие в них соответствующей инфраструктуры, связь с близлежащими городами и промышленными поселками, а с 1906 года - и с железнодорожными узлами. Почти во всех обследованных селах были построены каменные церкви (кроме сектантских поселений), школы, чаще всего тоже каменные, в некоторых, в частности, в Русском селе, были и женские училища, открывались фельдшерские и амбулаторные пункты (обычно с одним врачом и 1-2 помощниками), реже работали больницы. Имелись базары, лавки, по несколько мельниц, кузницы, пекарни, рисо-

сушилки и ремесленные мастерские: были свои портные, сапожники, печники, бондари и т.д. В городах и пристанционных поселках, которые в Голодной степи возникли примерно в одно время с селами, крестьяне могли делать крупные покупки, заключать торговые сделки, туда же сдавалась на переработку или отправку в другие регионы сельскохозяйственная продукция, предназначенная на продажу. В частности, в г.Мирзачуль (или Голодная степь) работал на местном сырье хлопкоперерабатывающий завод. В переселенческих районах функционировали "склады сельскохозяйственной продукции", снабжавшие крестьян инвентарем, "опытные станции", вырабатывавшие оптимальные пути разведения в местных условиях различных сельскохозяйственных культур и снабжавшие высококачественным посадочным материалом.

Переселенцам предоставлялись льготы, освобождающие их на несколько лет от уплаты государственных податей, от воинской повинности, кроме того, для обустройства хозяйством предусматривалась материальная помощь - в виде денежных ссуд, инвентаря, рабочего скота или другая.

Экономическая самостоятельность крестьян-переселенцев опиралась и на комплексную структуру их хозяйства. (Вследствие этого даже в период гражданской войны, когда в стране были разрушены основные хозяйственно-экономические связи, жители сел не испытывали сильных бедствий). На полях и усадебных участках выращивался необходимый для обеспечения семьи набор пищевых и технических культур, одна-две отрасли хозяйства обычно имели товарный характер (как правило, зерновые, хлопок или садоводство, реже - животноводство). Вырученные деньги тратились главным образом на покупку "мануфактуры", обновление орудий труда, транспортных средств, а также на такие продукты питания, как сахар, соль и т.п.

Безопасность жителей сел, дававшая им определенную автономию от иноэтнического окружения, гарантирова-

лась российской администрацией и военными силами Туркестанского края. Кроме того, в целях защиты от "не вполне благонадежного и искреннего, помирившегося с русской властью ... туземного магометанского населения" ⁸ в каждом доме предписывалось иметь винтовку ⁹.

В селах, таким образом, мог воспроизводиться привычный для российских крестьян уклад жизни, регулируемый ими самими и политически - через органы самоуправления, и экономически, благодаря владению собственностью и возможностью предпринимательства.

Природные условия Средней Азии отличались от российских, вследствие чего отчасти изменилась техника строительства, характер земледелия и питание ¹⁰. Определенный отпечаток на образ жизни переселенцев накладывало и их соседство с местным мусульманским населением, бытовой уклад и поведение которых резко отличались от "европейских" норм.

Несмотря на то, что стратегическая линия правительства была направлена на "ограждение" переселенцев от связей с местным населением ¹¹, вследствие которых могла быть поколеблена самостоятельность крестьян, возникнуть их зависимость от помощи и настроений коренных жителей, фактически уже в первые годы после водворения между теми и другими устанавливались хозяйственные и торговые отношения, выгодные обеим сторонам. Обычным явлением была аренда русскими участков у местных жителей, иногда хозяин и арендатор обрабатывали землю совместно, крестьяне нанимали работников коренных национальностей из малоимущих слоев; судя по литературе, изредка кто-то и сам работал на местных баев ¹². Складывалась такая система разделения труда, которая была основана на традиционно отработанных навыках сельскохозяйственной деятельности и предпочтениях различных ее видов у того и другого населения.

Крестьяне нанимали местных жителей для выполнения

вполне определенных функций. (Было распространено два вида найма: чайрикорство - наем работника на весь полевой сезон, с весны до осени, в течение которого он, иногда с семьей, жил у хозяина, расплата - из доли урожая, и мадрикорство - наем поденщика для выполнения разовых работ с оплатой деньгами). При этом и хозяин, и работник делали то, что в силу исторических обстоятельств умели лучше, что было для них более привычным. Так, пахали и сеяли злаковые крестьяне сами, их пахотная техника была более совершенна (русские использовали тяжелый железный плуг, а местные - деревянный омач), они же обрабатывали полученный урожай зерновых, занимались заготовкой кормов. Одной из основных функций чайриков и мадриков было обслуживание оросительной системы, поливные работы, их нанимали заниматься посевами и обработкой хлопчатника, для работы на рисовых чеках, собирать урожай этих и некоторых других культур. Пасты стада чаще всего нанимали представителей кочевого населения - казахов, а в Ферганской долине - киргизов.

По оценкам информаторов, возможность получить работу в переселенческих селах помогала бедноте коренных национальностей справиться с нуждой, условия найма у русских были более приемлемыми, чем у местных баев ("русские платили справедливо, узбеки были довольны"). Так, по материалам Р.Я. Рассудовой ¹³, чайрикор - традиционный тип узбекского крестьянина, который получал 1/10 - 1/5 часть урожая, комплект одежды, питание. Хозяин выделял чайриктору рабочий скот, орудия труда, семена, половину которых работник должен был вернуть из своей доли. По сведениям информаторов, у крестьян чайрикор работал обычно из половины, трети или четвертой части урожая. Существенным было и то, что работников и их семьи обеспечивали жильем, едой, инвентарем, иногда и одеждой; известны случаи, когда чайрикоры так и оставались жить у хозяев.

В ряде русских сел базары стали важными пунктами в

маршрутах караванных купцов. Торговые отношения между пришлым и коренным населением строились на основе различий в хозяйственной специализации тех и других. Караванные купцы предлагали мануфактуру, в том числе ввозимую из Китая, продавали скот местных пород, различную продукцию скотоводства, изделия ремесленников и другие товары. Русские вывозили на базары прежде всего продукцию садоводства и огородничества. Источником дохода крестьян было и обслуживание транспортом караванных торговцев. Нередко представители сартского населения держали в русских селах свои лавки.

Правило "закрытости" сел для поселения там людей коренных национальностей никогда не соблюдалось строго, практически во всех обследованных селах, по воспоминаниям информаторов, жили представители среднеазиатских народов. Помимо чайриков и лавочников в селах нередко жили оставшиеся у хозяев семьи бедняков, дети-сироты, нашедшие приют у крестьян. Вместе с русскими селились и работающие у них поливальщики, переводчики, в богатых семьях иногда - прислуга.

Расширение контактов с коренным населением вызывало необходимость овладевать местными языками. По сообщениям информаторов, в каждой переселенческой семье, как правило, кто-либо знал узбекский или казахский язык (обычно мужчина, активно ведший дела); нередко вся семья в той или иной мере могла общаться на одном из этих языках.

Таким образом, успешное развитие "крепких" переселенческих сел в Туркестане стало возможно благодаря всесторонней поддержке правительством крестьянского предпринимательства, ориентации на образование самостоятельных зажиточных хозяйств, связанных с рынком и местной промышленностью, обеспеченных соответствующей инфраструктурой в самих селах и близлежащих городах, благодаря опоре власти на самоуправление сельских обществ, покровительству администрации края, дающей определенные гарантии безопасности

и независимости от иноэтничного окружения. Немаловажным условием этого развития явилось и установление экономических связей и отношений сотрудничества с местным населением. Таблица I показывает состояние русских поселений Ходжентского уезда в 1912 году.

Таблица I

Поселок	Год осн.	Число дворов	Число душ	Число скота	Количество земли		
					орошен.	богар.	выгон.
Романовский	1886	121	647	3562	1500	-	3066
Надежденский	1886	109	553	2747	1430	2086	1915
Сретенский	1886	169	860	3062	3464	447	1203
Николаевский	1892	40	205	842	440	103	896
Нижне-Вольнский	1896	90	466	728	222	222	2486
Обетованный	1896	40	245	465	122	122	300
Верхне-Вольнский	1897	78	322	728	157	157	450
Конно-гвардейский	1898	28	130	1546	346	254	100
Велико-алексеевский	1913	176					
Славянский	1914	124					
Духовской и Спасский	1906	253					
Русское село	1899	201					

Составлено по материалам Н.Касьмова, ук.соч. С.56-67.
А.П.Фомченко, ук.соч. С.76 - данные на 1912-1914 гг.

В целом к 1917 году в Ходжентском уезде насчитывалось около 20 русских поселков с населением 8,5 тыс. человек, в Ташкентском (часть которого впоследствии отошла к Казахстану) — 28 с 8,5 тыс. жителей ¹⁴.

После установления советской власти сложившаяся организация жизни переселенцев стала постепенно разрушаться, один за другим исчезали те факторы, которые в совокупности делали возможным существование и независимое развитие русских поселений в этом регионе.

Новая власть принципиально изменила политику в отношении европейского населения Туркестана в соответствии с концепцией большевиков, определявшей, что переселенческое движение — элемент "царско-помещичьей колонизации", а переселенцы — в основном "кулаки, эксплуататоры местного населения" ¹⁵. Стали предприниматься меры по "изъятию земельных излишков" и даже изгнание крестьян из сел и "устройство местного населения на землях захватчиков" (в частности, в Чимкентской области ¹⁶). Таким образом, переселенцы лишились покровительства государства и могли теперь рассчитывать в обеспечении своей безопасности исключительно на собственные силы. Однако ни это обстоятельство, ни экономическая разлука в период гражданской войны в целом не привели к разрушению сложившегося уклада жизни в русских селах, рост и развитие которых в 20-е годы продолжались. Своим относительным благополучием они притягивали беженцев из голодавшей европейской части страны и бедноту местных национальностей. Таблица 2 показывает состав и численность переселенческих сел бывшего Ходжентского уезда и Андижанской области (Русское село) по Переписи 1926 года.

Таблица 2

Название	хозяйств			жителей		
	Всего	русск. и укр.	узб.	Всего	из них рус-ских	украинцев
Надежденский	205	164	9	771	659	49
Романовский	165	201	-	835	570	242
(Петропавловский)						
Обетованный	73	67	4	301	255	28
Николаевский (Кият)	98	72	15	346	227	60
Сретенский	349	305	16	1336	?	?
Верхне-Болынский	151	146	-	626	598	12
Нижне-волинский	104	98	2	407	196	84
Конно-гвардейский	52	78	8	357	249	56
Велико-алексеевский	21	20	-	90	74	9
Духовской и Спасский (Октябрьское)	478	451	14	1630	895	617
Русское село	285	205	14	?	?	?

Таблица составлена по: Всесоюзной переписи населения 1926 года в УзССР. Вып. I. Поселенные итоги. Ч. 4. Округ Ташкент, ч. 8. Округ Андижан. Самарканд. 1927.

Немалое значение для сохранения определенной безопасности крестьян в этот период имело установление отношений сотрудничества их с коренными жителями; в после-революционные годы это сотрудничество расширилось и приобретало новые формы, помогавшие обеим группам населения пережить тяжелое время. Так, в районах действия басмаческих отрядов узбеки, жившие по соседству с переселенцами и работавшие у них по найму, предупреждали жителей сел о готовящихся нападениях, сами, по словам информаторов, никогда не относились к русским с враждебностью; нередко бывшие батраки-узбеки вместе со своими семьями укрывались от нападений в селах.

Новые формы хозяйственных отношений были обусловлены тем, что беднейшие слои коренного населения получали в собственность: земледельцы (узбеки) — наделы земли, кочевники (казахи и киргизы) — скот. (При наделении бедняков собственностью "активисты" комбедов часто не учитывали фактического социального и экономического положения дехкан, часть из которых отдавали землю или скот обратно баю, как законному владельцу, а многие не могли использовать наделы по назначению из-за отсутствия у них орудий труда, или не имели возможности содержать скот). Так, оказавшиеся владельцами земли узбеки стали заключать договоры с крестьянами о совместной обработке своих наделов: по-прежнему пахали и севали русские, а поливали и обрабатывали посевы узбеки. Полученный урожай делился пополам. В неблагоприятные для кочевого скотоводства годы к весне, когда находившемуся на выпасе круглый год скоту не хватало корма, казахи пригоняли стада в русские села, раздавали на откорм по несколько голов крестьянам, договариваясь, что живых потом поделят пополам. Казахи также сдавали крестьянам в аренду участки земли под сенокос за половину убранных сена, так как сами не владели в совершенстве техникой заготовки кормов.

Основной удар по самостоятельности крестьянских хозяйств, после которого разрушение общины, потеря возможности независимого развития стали неизбежными, нанесло установление колхозного строя. В 30-е годы уклад жизни крестьян изменился настолько, что немалая часть старожилов именно эти годы считают временем "революционного переворота".

Эти годы — период быстрого и последнего увеличения численности европейского населения сел за счет мигрантов и значительного обновления состава жителей. Некоторые села к 30-м годам выросли в несколько раз по сравнению с дореволюционным временем. В последующие десятилетия численность русских и украинцев в сельских районах Узбекистана стала неуклонно сокращаться. Приток населения из России, Украины и других республик образовали в основном бежавшие от раскулачивания, которых называли "самораскулачившиеся". В Голодную степь ссылали и раскулаченных из различных европейских областей, а также из более обжитых районов Средней Азии, в частности, из переселенческих сел Ферганской долины. В то же время немалая часть старожилов также покидала села — по собственному почину, или ссылалась после раскулачивания (в Голодной степи таких было немного). К примеру, в эти годы население села Сретенского в Дальверайнской степи (сейчас Бекабадский район Ташкентской области) по словам информаторов, сменилось более, чем наполовину; в оставшихся после "самораскулачившихся" хозяев домах (село было зажиточным и таких оказалось большинство) разместился трудовой лагерь для ссыльных "кулаков", именно они и их потомки составляют сейчас костяк местного русскоязычного населения.

Коллективизация, уничтожившая самостоятельное частное хозяйство, повлекла за собой и нарушение системы взаимовыгодных отношений и разделения труда в сельском хозяйстве между "пришлым" и "коренным" населением. Новый

строй предполагал нивелировку деятельности тех и других, независимо от традиций и навыков. Первые колхозы все же строились на основе одного селения и поэтому оказывались преимущественно однонациональными и имели свою специализацию, обусловленную традиционными занятиями его жителей (так, в селе Русском Андижанской области возник колхоз под названием "Русский пахарь"). Однако уже в предвоенные годы, отчасти в связи с наплывом в села коренного населения, большинство колхозов стало смешанными, их специализация постепенно сходила на нет, насаждалось единое для всех хозяйств хлопководство, а с 50-60-х годов хлопок в этих регионах становится монокультурой.

Одновременно с потерей хозяйственной самостоятельности русские и украинские крестьяне теряли и возможность автономно развиваться как сообщество в культурном и социальном смысле. После исчезновения в 1917 году параллельных структур самоуправления на местном и волостном уровнях община и сельский сход фактически продолжали играть свою роль в общественной жизни сел - до той поры, пока их население оставалось преимущественно европейским. С 30-х годов значительно увеличился приток в старожильческие села представителей среднеазиатских национальностей, что повлекло за собой постепенное образование там характерных для коренного населения социальных структур, имевших некоторые функции самоуправления.

Узбеки, составившие в послевоенные десятилетия большинство населения бывших переселенческих сел на территории Голодной степи, являются, главным образом, выходцами из густонаселенных областей республики (Самаркандской, Бухарской, Ферганской, Андижанской). Переезд жителей из сельских районов этих областей был организован республиканским правительством под лозунгом "освоения целинных земель", "на всенародный хашар", то есть фактически являлся насильственным. Первые попытки (в середине 30-х годов) "плановых миграций" узбеков в Голодную степь сказа-

лись неудачными, большинство "новоселов" стремилось вернуться в родные места. Однако в результате более поздних "организованных переселений" облик старожильческих сел сильно изменился. Наиболее массовыми миграции были в 50-е годы, позднее поток переселенцев стал спадать¹⁷.

В 30-е годы в селах оседали также бывшие кочевники-казахи, в предвоенное и военное время здесь, как и в других восточных районах, появились депортированные корейцы, немцы, крымские татары, турки, греки, представители северокавказских народов. Таким образом в послевоенные десятилетия население сел в несколько раз увеличилось, изменился национальный состав. Таблица 3 показывает национальный состав обследованных сел в конце 80-х годов (Гулистанского и Ворошиловского районов Сырдарьинской области, Бекабадского района Ташкентской области, Мархаматского района Андижанской области). На базе этих сел развивалась местная промышленность - в основном строительные и ремонтные цеха, филиалы заводов сельскохозяйственного машиностроения, перерабатывающие предприятия и легкая промышленность; некоторые из сел стали поселками городского типа, райцентрами или городами с населением до 10 тыс. человек.

К настоящему времени большинство жителей обследованных сел в целом не утратило своего этнического своеобразия; помимо групп коренного населения (узбеков, казахов, таджиков) и русско-украинской группы в отдельных селах выделяется крымско-татарское, турецкое, немецкое, греческое население, реже - корейское. Представители отдельных национальностей обычно в той или иной мере сохраняют свой язык, культурно-бытовые особенности. Многие национальные праздники и обряды отмечаются почти исключительно в своей этнической среде, в своей общине. Весьма выражены различия в социальном и демографическом поведении между жителями коренных и "европейских" национальностей, в ориентированности на ту или иную профессиональную деятельность, в сте-

пени урбанизированности. На определенную сплоченность ряда этнических групп и развитое национальное самосознание, вернее — на значение различий в социо-нормативной культуре указывает и малая частота национально-смешанных браков, особенно редких между представителями "христианских" и "мусульманских" народов.

В условиях, когда сохранению культурной самобытности жителей некоренных в Средней Азии национальностей в чем-то противостоит направление социального развития обследованных районов, ориентированное на воспроизводство национальных традиций среднеазиатского населения, процесса массовой ассимиляции тем не менее не происходит. По-видимому, включаются некие механизмы этнического самосохранения, что выражается, в частности, в обострении национального самосознания, в консолидации близких по культуре групп населения. В настоящее время русскоязычные группы частично смыкаются между собой, объединенные общими интересами социального и культурного характера.

Процесс сложения единой группы русско-украинского населения происходил одновременно с увеличением доли жителей в селах среднеазиатских национальностей, отчасти вследствие резких различий в культурно-бытовых традициях, социальных нормах восточных славян и "мусульманских" народов. На этом фоне разница между русскими и украинцами представлялась несущественной. Сыграла свою роль и распространенность браков между этими двумя народами. Слияние в единую общность русских и украинцев происходило постепенно, сначала, в первые десятилетия после переселения, утрачивалось земляческое самосознание (саратовские, полтавские и т.д.), затем, скорее всего — с конца 30-х годов — деление на русских ("кацапов") и украинцев ("хохлов"). По сообщениям старожилов, еще в 20-30-е годы в селах звучала украинская речь, различались комплексы обрядности, в частности — свадебной, у русских и украинцев, имелись некоторые особенности в одежде и пищевой

культуре. О значении этнической самоидентификации в то время свидетельствуют упоминавшиеся информаторами конфликты и драки между русской и украинской молодежью и случаи, когда различная национальность юноши и девушки становилась препятствием для вступления в брак.

Сформировавшаяся к настоящему времени русско-украинская группа характеризуется общими для ее представителей локальными особенностями в быту, языке, в сохраняющихся обычаях и обрядах. Эти локальные особенности представляют собой соединение в одно целое элементов русских и украинских культурных традиций, что нашло отражение и в самосознании членов группы. Об общности самоидентификации тех, кто по паспорту русские и тех, кто украинцы, свидетельствуют ответы старожилов на вопрос об их национальности: все, как правило, считают себя русскими; некоторые добавляют, что "хохлы ведь тоже русские", "хохлы — это часть русских". Сложившийся и характерный для большинства старожилов говор напоминает южнорусский с вкраплениями украинских слов и выражений, наличие которых особенно заметно в селах, где доля выходцев из Малороссии была значительной. Лишь немногие пожилые информаторы-украинцы в той или иной мере владеют украинским языком, отмечая, что сейчас почти не применяют его, разве что в песнях и пословицах.

Русских и украинских старожилов отличают и особенности в быту, поведении, самосознании, связанные с условиями формирования группы в среднеазиатском регионе, в иноэтничной среде. По мнению самих информаторов, местные "среднеазиатские русские" отличаются от восточнославянского населения других регионов страны. Помимо некоторых новаций в материальной культуре, более всего заметных в хозяйстве, жилище и пище ¹⁶, представителей этой группы отличают, по их мнению, и черты (хотя малозаметные на первый взгляд) жизненного уклада и поведения, появившиеся в результате контактов с местным населением (к примеру,

особый распорядок дня, важное значение вечерних общесемейных трапез, и, по-видимому, большая сплоченность членов семьи и родственников между собой, неторопливый, уважительный и вежливый тон общения с кем бы то ни было, развитое гостеприимство, терпимость). Старожилов характеризуют и особые навыки межэтнического общения, знание языков и обычаев населения коренных национальностей.

Представителей этой группы объединяет также отношение к региону, где родились они сами, их отцы и деды, как к своей "малой родине". Эта привязанность особенно сильна у людей старшего поколения, но у молодых существует особое локальное самосознание: "Мы - узбекистанские русские, здесь наша родина, здесь у нас все родственники". Многие десятилетия привязанность к этой земле и внутригрупповая сплоченность были факторами, сдерживавшими миграции. Однако со временем сплоченность уменьшалась по мере того, как сужались возможности совместной трудовой и обрядовой деятельности; после потери основ самоуправления отношения между членами группы проявлялись, помимо родственных, главным образом, в общих мероприятиях по поводу сохраняющихся народных обычаев и праздников, причем с годами из-за господствовавшей идеологии и проявляющегося вольно или невольно давления иноэтнического окружения национальные обычаи и обряды исполняются все более и более скромно. (Сейчас уже практически исчезли уличные гуляния, колядования на улице в святочные дни и т.п. - празднование переместилось внутрь дома, во двор. Сохраняются гуляния на свадьбах, справляются поминки, Пасха и некоторые другие календарные праздники ¹⁸).

Связи старожилов с землей стали разрушаться после установления колхозного строя и постепенного изменения социального облика этого населения, уменьшения для них значимости крестьянского труда. В течение десятилетий сокращался приусадебный надел: от 0,5-1 га в 30-х годах до 7-15 соток в 80-е годы, на нем уже практически невоз-

можно воспроизводить многовековой крестьянский опыт. И хотя сейчас именно на приусадебном участке проявляется этническая специфика различных способов хозяйствования (в частности, по ориентации хозяйства - в основном на животноводство у узбеков, на выращивание садово-огородных культур - у русских и украинцев, большинство из которых отказались в настоящее время от содержания скота), крайняя скудость современных приусадебных хозяйств при остром недостатке земли, воды, кормов и выпасов для скота приводит к тому, что европейское население все менее рассчитывает на свое хозяйство как на подспорье в семейном бюджете, на источник пополнения своего стола продуктами.

Изменение этнического состава сел в послевоенные десятилетия повлекло за собой постепенную, но весьма существенную реорганизацию форм общественной жизни.

Сейчас села представляют собой раскинувшиеся на несколько километров населенные пункты с достаточно плотной застройкой. Усадьбы русских и украинцев стали редкими, слабо сгруппированными между собой вкраплениями среди жилищ среднеазиатского населения, они обычно располагаются в более старой центральной части сел. Все обследованные населенные пункты имеют деления на кварталы - махаллы (традиционный для оседлого населения Средней Азии институт, охватывающий квартал или улицу и представляющий собой соседскую общину). Сейчас махаллинским комитетом передаются отдельные функции государственных органов, в частности, учет населения и жилья, оформление документов; кроме того, их обычной полуофициальной функцией является разбор различных жалоб, разрешение споров между жителями и т.п. Формально эта структура охватывает всех живущих в данном квартале, однако на практике она является органом самоуправления только узбеков и (или) таджиков, так как дает им возможность участвовать в традиционной общинной жизни, в обычаях и обрядах, поддерживать соседские и род-

ственные связи, отношения взаимопомощи. Закономерно, что и махаллинский комитет формируется из наиболее уважаемых и заслуженных представителей этих национальностей. Русскоязычное население за редким исключением не участвует в жизни махаллы, соответственно – и в формировании ее комитета. Оно оказывается в пассивном отношении к этому органу местного самоуправления, причем лишено самоорганизации и возможности реально влиять на порядок жизни в населенном пункте. Только в отдельных селах, где доля русскоязычного населения еще значительна (до 10–20 %), центральная часть не делится на махаллы, а местная власть осуществляется только сельским советом, однако и в этом органе решающее слово остается за представителями коренных национальностей. Таким образом современная этническая ситуация в селах, характеризующая совместным проживанием ряда этнических групп, различающихся в культурном, конфессиональном, социально-профессиональном, демографическом плане, в целом не отражена в принципах местного самоуправления.

Начиная с 60-х годов достаточно быстрыми темпами происходило замещение работников некоренных национальностей в аппаратах управления, что обосновывалось политической "национализации национальных кадров", которая была провозглашена советской властью еще в 20–30-х годах²⁰. К концу 80-х годов русские и украинцы работали в местных и районных органах власти, как правило, на различных подчиненных должностях, лишь изредка одного-двух можно было встретить на более высоких ступенях иерархической лестницы. В отдельных райкомах КПСС русские или украинцы возглавляли какой-либо отдел, в одном из районов русский был вторым секретарем. Неуклонное снижение уровня представительства "европейцев" в аппаратах управления продолжалось. Уменьшается доля лиц некоренных национальностей среди работников правоохранительных органов, в милиции и в других сферах престижной для местного населе-

ния интеллектуальной деятельности, в частности, в медицине и просвещении.

Известная отстраненность русскоязычного населения в настоящее время от возможности влиять на общественные процессы в местах своего проживания обусловлена и присущей ему социально-профессиональной структурой, принципиально отличающейся от характерной для сельского населения коренных национальностей. Ориентированность на различные виды деятельности представителей тех или иных социо-нормативных культур была основана на традиционных предпочтениях определенных занятий, а также выработалась вследствие некоторых политических обстоятельств. В течение десятилетий по мере расширения в колхозах посе-вов хлопчатника и возведения промышленных предприятий происходил постепенный отток русскоязычного населения из колхозов. В настоящее время жители европейских национальностей – наиболее урбанизированная часть населения в сельской местности. Они предпочитают не пользующиеся особой популярностью у представителей среднеазиатских национальностей рабочие профессии, в основном связанные с техникой (в сельском хозяйстве – это механизаторы, трактористы, строители, работники крупных совхозных ферм, некоторых перерабатывающих цехов), трудятся на местных или расположенных в близлежащих городах промышленных предприятиях. Среди них много служащих (особенно женщин) различных контор, а также представителей сельской интеллигенции, главным образом – учителей. Таблица 4 показывает социально-профессиональную структуру населения двух обследованных районов Сырдарьинской области.

Таблица 4

Структура занятости населения двух районов
Сырдарьинской области Узбекистана в 1987 г.

Отрасли	Ворошиловский район				Гулистанский район			
	работающие русские, украинцы, белорусы		работающие всех других нац-тей		работающие русские, украинцы, белорусы		работающие всех других нац-тей	
	абс. числ.	%	абс. числ.	%	абс. числ.	%	абс. числ.	%
	1		2		3		4	
Промышленность	88	14,2	821	5,9	66	10,5	430	4,0
Строительство	142	22,9	1344	9,7	143	22,8	609	5,6
Связь					48	7,6	71	0,7
Транспорт					22	3,5	277	2,5
Сельхозпром	35	5,6	251	1,8	8	1,3	91	0,8
Совхозы	165	26,0	3933	28,5	39	6,2	565	5,2
Колхозы	28	4,5	3973	28,7	61	9,7	5092	46,8
Здравоохранение	36	5,8	546	4,0	50	8,0	943	8,7
Просвещение	50	8,1	1801	13,0	65	10,3	1306	12,0
Культура	6	1,0	113	0,8	7	1,1	109	1,0
Милиция право	4	0,6	57	0,4	11	1,7	142	1,3
Адм.-парт. аппарат	3	0,5	54	0,4	12	1,9	106	1,0
Канторы, торговля, питание, быт. obsл.	54	8,7	335	2,4	58	9,2	401	3,7
Заготпункт	13	2,1	614	4,4	39	6,2	727	6,7
Всего:	621	100	13442	100	629	100	10872	100

Пояснения. Таблица составлена по данным секторов учета райкомов КПСС. К ст.(1): русских - 96,2 %, украинцев и белорусов - по 1,9. К ст.(2): узбеков - 52,2 %, таджиков - 17,2, казахов - 15,9, турок - 4,2, татар - 3,6, корейцев - 1,5. К ст.(3): русских - 94,2 %, украинцев - 5,2, белорусов - 0,6. К ст.(4): узбеков - 78,3 %, татар - 5,0, турок - 8,6, таджиков - 4,9, казахов - 0,4, киргизов - 0,3.

Такую социальную нишу русско-украинское и шире - русскоязычное население заняло вследствие нескольких причин. Во-первых, из-за чужеродности для них занятия хлопководством, во-вторых, из-за высокой конкуренции на престижные с точки зрения среднеазиатского населения виды деятельности: торговля, сфера обслуживания, должности, каким-либо образом связанные с распределением материальных ценностей, с управленческими функциями и т.д. ²¹. Для людей коренных национальностей получение таких должностей было облегчено из-за немалого влияния на общественную жизнь традиционных для среднеазиатских народов соседско-родственных связей.

Преобладание в среде русскоязычного населения представителей рабочих профессий и служащих, не связанных с административной сферой, обуславливает его отчужденность от различных форм собственности (в том числе коллективной собственности на землю), от рычагов управления и распределения.

Так, занятие тяжелым ручным низкооплачиваемым трудом колхозника-хлебороба дает все же немалые льготы для развития личного подсобного хозяйства, это обстоятельство для большинства жителей коренных национальностей является решающим при выборе рода деятельности. Правовая и экономическая незащищенность колхозника компенсируется включенностью его в традиционные общинные институты, наличие которых помогает рядовым колхозникам каким-то образом приобщаться к коллективной собственности. Колхоз предо-

ставляет своим членам примерно вдвое больший участок земли, чем получают колхозники, возможность пользоваться угодьями (впрочем, весьма ограниченными) для сбора кормов и реже для выпаса скота, он продает колхозникам дефицитный корм, скупает продукцию их личных хозяйств, помогает со строительными материалами, транспортом. Часть этих льгот существует негласно. В целом личное хозяйство жителей коренных национальностей, в частности, узбеков²² дает весомый вклад в бюджет семьи.

Другое положение у рабочих и служащих. Наличие специальности и фиксированного заработка обеспечивает им социальную защищенность. В то же время из-за ослабления внутригрупповых связей они, как правило, лишены поддержки и помощи со стороны родственников и знакомых, столь характерной для их соседей коренных национальностей. Стремление укрепить личную самостоятельность и независимость в социальном плане, так же как и потребность приблизиться к очагам централизованного снабжения продовольствием, приводит многих представителей русскоязычного населения к желанию сменить место жительства, перебраться в города, где до недавнего времени существовали определенные социальные перспективы для жителей, независимо от их национальной или клановой принадлежности.

Причины миграций сельских жителей европейских национальностей неотделимы от тех проблем, которые в конечном счете являются следствием отстраненности их от возможности влиять на уклад жизни и развитие данных населенных пунктов через управление на местных уровнях. Эти люди испытывают бытовые сложности, ущербность в плане национально-культурного развития, опасаются своей уязвимости в случае возможных конфликтов на национальной почве.

Бытовые проблемы обусловлены тем, что организация жизни в селах в целом ориентирована на тип хозяйства, характерный для жителей среднеазиатских национальностей — на развитие подсобное хозяйство (снабжение продуктами

там крайне скудное), а также на наличие в обществе неофициальных отношений при распределении многих материальных благ, дефицитных продуктов и товаров. Более урбанизированные русскоязычные жители, большинство из которых живет главным образом на заработанную плату и не имеет существенного дохода со своего усадебного участка, сталкиваются с большими трудностями в приобретении самого необходимого.

Культурная жизнь также ориентирована почти исключительно на воспроизводство культурных традиций узбеков. "Национальную специфику" имеет художественная самодеятельность, различные культурно-массовые мероприятия в селах, она проявляется при проведении праздников, соревнований. На вкусы коренных жителей Средней Азии рассчитаны и кинофильмы, большинство из которых идет на узбекском языке. Практически отсутствуют особенно популярные у русскоязычной молодежи такие современные формы развлечений, как дискотеки, молодежные кафе, видеотеки и т.п., что является немаловажной причиной ее стремления в город.

Система организации образования также приводит к значительному оттоку из сел этой части молодежи. Школьная подготовка в сельской местности находится на невысоком уровне и недостаточна, как правило, для поступления в большинство вузов за пределами республики, а на территории Узбекистана лица коренных национальностей имеют определенные льготы при получении образования. (По информации жителей, в некоторых обследованных селах в 1987 году работали выездные приемные комиссии из вузов республики для приема студентов местных национальностей).

После того, как осенью 1989 года был принят закон о государственном языке Узбекистана, русскоязычное население стало испытывать и некоторое давление из-за недостаточно хорошего владения узбекским, слабые познания в этом языке могли стать обоснованием для увольнения с работы.

Относительно стабильное существование малой по численности русско-украинской группы в условиях крайне ограниченных правовых возможностей ее развития длительное время поддерживалось благодаря приемлемым отношениям с иноэтничным населением, опирающимся на индивидуальные хозяйственные и торговые связи, взаимное доверие соседей различных национальностей, терпимость, уважение к традициям и обычаям друг друга. В какой-то мере добрососедские отношения на межличностном уровне сохранялись и в конце 80-х годов. У жителей обследованных сел наблюдались, в частности, сложившиеся формализованные нормы межэтнического общения, основанные на признании особенностей в быту, поведении, образе жизни людей различных национальностей и предполагавшие, к примеру, определенный порядок участия представителей одного народа в отдельных обрядах и праздниках другого.

По-видимому, начиная с 60-х годов, такой тип отношений стал меняться вследствие следующих причин. Изменилась политическая обстановка в стране; на фоне "оттепели" в республике росло осознание национальной самобытности, а в дальнейшем, особенно у представителей коренной национальности, — и национальной исключительности, на что оказывали влияние настроения в элитарных слоях узбекского общества, а также государственная политика, поддерживающая выдвижение представителей "титulary" национальности. Значительное сокращение в органах управления различных уровней доли лиц европейских национальностей под лозунгом "коренизации руководящих кадров" произошло именно в этот период. Русскоязычное население остро переживало падение в республике своего престижа, сопряженного в предыдущий период с отношением к русским отчасти как к носителям "общесоветской" (читалось: "передовой") соционормативной культуры, отчасти — в силу традиционно более высокого образовательного уровня в их среде.

Усиление социальной напряженности в этот период свя-

зано и с ухудшением экологической обстановки в регионе, кризисом перенаселения, вследствие чего нарастало число безработных, усиливалась конкуренция, особенно в сельских районах, за использование жителями природных ресурсов, прежде всего — земли и воды, при том, что огромные территории были заняты хлопчатником.

Разобщенность представителей европейских и среднеазиатских народов, обусловленная различиями в соционормативной культуре, конфессиях, в ориентированности на определенные виды занятий, сферы деятельности, в современных условиях приводит к формированию национальных стереотипов с чертами негативного отношения к иноэтничному населению. Противопоставление в массовом сознании жителей Узбекистана "русскоязычных" и "коренных" было связано, помимо прочего, с отождествлением первых с деятельностью союзных, центральных органов власти, а вторых — с политикой республиканской администрации.

В стереотипных отношениях узбеков (в том числе и представителей власти) к русским и шире — к русскоязычным со второй половины восьмидесятых годов проявлялось мнение о них как о силе, препятствующей обретению Узбекистаном самостоятельности, республиканского суверенитета (понимавшегося как национальный). Слышались высказывания, что "Русские — поработители узбекского народа", "они — главные виновники в его бедах", что "русские стремятся сохранить власть над республикой".

В селах русским и украинским старожилам, избегавшим работ на хлопчатнике, представители среднеазиатского населения приписывали поиски легкой жизни, желание прожить за счет тех, кто занят тяжелым трудом на полях и кому гораздо сложнее изменить свою судьбу. Стремление русских сохранить уже в значительной мере утраченные культурные традиции, общаться на своем языке, трактуется как неуважение к узбекским обычаям, языку. Между прочим, узбеки очень ценят, если люди других национальностей знают язык

и следуют узбекским обычаям и нормам поведения. Узбеки с неизменной гордостью приводят в пример женщин европейского происхождения в узбекских селах, которые "обузбечились", то есть полностью восприняли их обычаи. Однако смешанные семьи такого типа в обследованных селах - это единичные случаи, так как русскоязычные старожилы практически не вступают в браки с людьми среднеазиатских национальностей, русская в узбекской семье - обычно приезжая из другой республики, где ее будущий муж служил в армии.

В свою очередь среди жителей европейских национальностей распространены представления об узбеках как о людях, "которые здесь все могут получить", благодаря тому, что повсюду имеют связи, что у них есть официальные и неофициальные льготы при занятии руководящих и доходных должностей, при получении образования. В то же время русские старожилы, как и большинство европейского населения, не проявляют какой бы то ни было политической активности по защите своих интересов; навязанная государственной идеологией парадигма о делении общества по национальному признаку на "коренных" и "некоренных" утвердилась и в их сознании - как неприятное, тяготящее, но объективное обстоятельство. Их недовольство действиями местных властей имело пассивный оттенок. "Мы ведь здесь некоренные", - говорили информаторы-старожилы, "русских некому защитить, их здесь забыли", "на русских идет давление", "местные что хотят, то и творят". Уровень политического мышления наших информаторов характеризовался и суждением, что изменить ситуацию в районе и республике к лучшему, разрушить мафию можно лишь прислав сюда из центральных областей несколько сотен русских и украинцев для замены или укрепления кадров в органах управления.

Обострение обстановки в Узбекистане, усиление социальной напряженности отрицательно повлияли и на межличностные отношения представителей различных этнических

групп. В этой ситуации, когда подрывается взаимное доверие, в настроениях жителей европейских национальностей на первый план выходит боязнь оказаться объектом насильственных действий, так как в случае межэтнического конфликта они практически не смогут рассчитывать на защиту ни органов власти, ни милиции. Острое чувство опасности вызывало у большинства русских и украинских старожилов сельских районов республики стремление уехать в другие республики.

Длительное время постоянный отток русских и украинцев из сельских районов Узбекистана приводил к последовательному сокращению их численности, что фиксируется Всесоюзными переписями 1959 - 1989 годов (табл.5). Большая часть эмигрантов покидала пределы республики, другие переселялись в более развитые в промышленном отношении районы Узбекистана, в города, индустриальные поселки, райцентры. Лишь в последние годы, когда центры национальной активности узбеков оказались именно в городах, этот поток сократился.

До 1989-1990 годов, когда в среднеазиатском регионе произошло несколько острейших межэтнических столкновений, эмиграция сдерживалась сохранявшейся сплоченностью русско-украинского населения, привязанностью его "к малой родине". Эта сплоченность приводила и к коллективным формам миграции: в один населенный пункт переселялось сразу несколько старожильческих семей. Например, в конце шестидесятых - начале семидесятых годов из одного обследованного села шло активное переселение в небольшой городок Донецкой области, из другого в те же годы - в индустриальный город Алмалык Ташкентской области. Переехавшие сохраняли на новых местах жительства соседские отношения, а также связи с оставленными в селе родственниками и знакомыми.

Анализ материалов сельских советов, главным образом - похозяйственных книг позволяет заключить, что по-

ток эмигрантов русской и украинской национальности резко возрос в конце восьмидесятых годов. За 1987 – первые девять месяцев 1989 года в обследованных селах русско-украинское население сократилось за счет мигрантов на 9–30 %²². Наиболее велика миграция среди молодежи и людей трудоспособного возраста, а возрастная структура остающихся в селах жителей этих национальностей такова, что возможность естественного воспроизводства исключается (табл.6).

По данным сельских советов и сообщениям информаторов, эмиграция русских и украинцев идет преимущественно в РСФСР и на Украину, в сельские районы, к родственникам, туда, где можно найти относительно благоприятные условия для ведения хозяйства, либо в промышленные центры, где легче получить работу и жилье. Именно в этих республиках, по мнению информаторов, они будут в безопасности, будут чувствовать себя полноценными членами общества.

Представители обследованного населения предпочитают переезжать в южные районы (главным образом в Волгоградскую, Астраханскую области, Краснодарский и Ставропольский края, Донецкую, Луганскую области Украины), а также в Центральную Россию, Поволжье, на Урал, в промышленные центры Сибири.

Изучение русско-украинского населения в сельских районах Узбекистана приводит к выводу, что для развития немногочисленных локальных групп взаимодействие с иноэтническим окружением оказывается первостепенным, но неоднозначным по своим последствиям фактором – в зависимости от конкретных исторических и социальных условий. Очевидно, что в многонациональных районах Средней Азии, как правило, не наблюдается смешение или ассимиляция групп населения, весьма далеких между собой в культурном отношении; более того, на фоне межнациональных контактов происходит обострение этнического самосознания,

формируются стойкие национальные стереотипы, иногда – с чертами противопоставления одного народа другому. В то же время относительно небольшие группы, сходные по своей социо-культурной ориентации, консолидируются между собой (в Средней Азии – это люди большинства европейских национальностей, "русскоязычные").

Важнейший элемент (и следствие) этно-культурных взаимодействий – распределение жителей отдельных национальностей по различным социально-профессиональным нишам, на базе традиционных для данного народа, исторически обусловленных предпочтениях тех или иных видов деятельности. Это разделение в принципе предполагает отношения сотрудничества между представителями разных этнических групп в хозяйственной и торговой сферах. Представляется, что именно на этой основе возможны поиски путей гармонизации национальных отношений.

Вместе с тем нормальное развитие этно-социальной группы, по-видимому, возможно лишь при наличии элементов самоорганизации и самоуправления, которые длительное время устранялись тоталитарным режимом СССР, да и при нынешней структуре власти в независимых республиках Средней Азии вряд ли будут поощряться. В такой ситуации, когда жители республики различных национальностей фактически неодинаково допущены к власти, неизбежна конфронтация между ними, сохраняется почва для конфликтов, происходит эмиграция людей некоренных в Средней Азии национальностей, а это, между тем, отнюдь не всегда целесообразно с точки зрения экономического развития.

Литература

1. См. к примеру, Шарова П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // "Исторические записки". 8. М. 1940. С.6.
2. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. Т. XXXIII. Самаркандская область. Спб. 1905: с. I; Т. XXXVI. Сыр-Дарьинская область. Спб. 1905: с. I.
3. Там же. Табл. XII.
4. Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае. Ташкент. 1983. С. 42.
5. Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде. Душанбе. 1968. С. 72.
6. Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане. М., 1991. С. 40.
7. Фомченко А. П. Указ. соч. С. 79-80.
8. Гинзбург А. И. Указ. соч. С. 113.
9. Галузо П. Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии // "Коммунистическая мысль". 1923. Кн. I, 2. С. 23.
10. Брусина О. И. Особенности материальной культуры восточнославянского старожильческого населения Узбекистана // Проблемы изучения традиций в культуре народов мира. В. I. М., 1990. С. 88-96.
11. По установленному русской администрацией Края порядку, местным жителям коренных национальностей не разрешалось селиться в переселенческих селах; правило действовало до 1917 года (Полевые материалы автора). См. также: Голодная степь 1867-1917. История края в документах. М., 1981. С. 170-171.
12. Гинзбург А. И. Указ. соч. С. 69.
13. Этнографические очерки узбекского сельского населения. М. 1969. С. 70-71.
14. Фомченко А. П. Указ. соч. С. 71.
15. См., к примеру, Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М. 1930.
16. Землеустройство в Сыр-Дарьинской области // "Ирригация, сельское хозяйство и животноводство". 3. 1923. С. 37-39, 45.
17. Максакова Л. Миграция населения Узбекистана. Ташкент. 1986. С. 142; Аминов В. К вопросу формирования населения Голодной степи за годы Советской власти // Этнокультурное изучение быта и культуры узбеков. Ташкент. 1972. С. 144-157.
18. Грусина О. И. Указ. соч. С. 88-96.
19. Брусина О. И. О некоторых традиционных обычаях русско-украинского населения Узбекистана // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988-1989 гг. Тезисы докладов. Ч. 2. Алма-Ата. 1990. С. 86-88.
20. Шадманов С. С. Деятельность коммунистической партии Узбекистана по подготовке национальных кадров для государственного аппарата в период создания фундамента социализма // АҚД. - Ташкент, 1967.
21. О престижных сферах деятельности в настоящее время у таджиков см. Гушков В. И. Таджикский авлод тысячулетие спустя // Восток. М., 1991. № 5. С. 81.
22. По сообщению Госкомстата УзССР (это - явно заниженные цифры) доход от продажи продуктов сельского хозяйства, скота и птицы в среднем по республике составил в 1987 и в 1988 гг. более 22 % от всего бюджета семей колхозников (Правда Востока. 27 ноября 1988).
23. Брусина О. И. Многонациональные села Узбекистана и Казахстана осенью 1989 г. (Миграции некоренного населения) // СЭ 3. 1990. С. 29. Табл. 6.

Таблица 3

Национальный район	Гулистанский район		Ворошиловский район		Гулистанский район		Бекбад-Средняя мад		
	Крестьянское	Им. Н. Крупской	Красноармейское	Октябрьское	Верхневольнское	Гулистанский район	Бекбад-Средняя мад		
Всего	9,3	2,3	4,5	10,3	4,6	8,0	3,0	5,4	10,3
в т.ч. человек									
Проценты									
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Узбеки	51,4	75,0	91,2	61,2	51,9	60,6	33,3	78,3	55
Таджики	1,6	19,7	0,4	1,3	3,3	19,3	-	13,1	14
Русские	11,2	1,9	1,4	2,2	14,0	2,0	3,1	2,7	5
Украинцы	0,4	-	0,1	0,1	0,5	-	0,2	0,1	1
Татары	6,9	1,6	4,2	6,2	8,0	1,0	2,1	2,9	6
		(крым.)		(крым.)	(крым.)	(крым.)			
				0,0	0,0				
				(каз.)					
Корейцы	4,4	0,9	0,2	0,1	10,8	0,2	0,9	0,5	
Немцы	0,2	-	-	0,1	1,4	-	-	0,0	
Турки и азербайд.	1,6	-	0,8	28,4	-3,4	11,5	-	0,1	
без нац.	21,6	-	0,1	-	-	-	-	0,7	

Пояснения к табл.3: с.Крестьянское - быв.Романовский, Н.Крупской - быв.Надежденский, Красноармейское - быв.Конногвардейское, Октябрьское - быв.Спасское, к-з "Победа" включает часть населения Верхневольнского и население Нижневольнского, с.Гулистан - быв.Обетованное, г.Мархамат - быв.Русское село (Андижанская обл.). Составлено по похозяйственным книгам, данным РК КПСС или РК ВЛКСМ, по статотчетам местных советов - на 1988-1989 годы, кроме данных по г.Мархамату, которые относятся к 1986 г. Крестьянское и Верхневольнское - райцентры, остальные села и колхоз "Победа" - центры сельсоветов.

Таблица 5

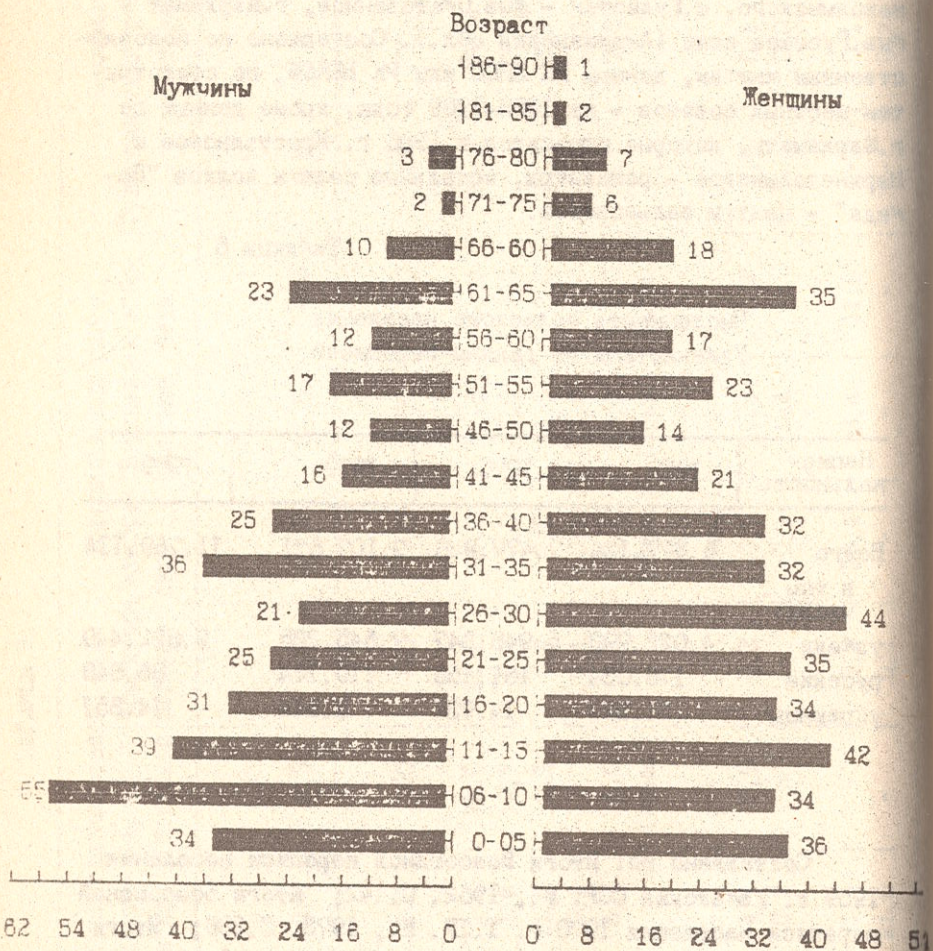
Численность сельского населения
Узбекистана по данным Переписей

Национальность	1959	1970	1979	1989
Всего	5.377.124	7.477.826	9.107.671	11.769.114
в том числе:				
узбеки	4.022.793	5.948.347	7.545.225	9.822.449
русские	178.034	161.156	110.114	85.848
украинцы	21.327	14.932	8.844	14.851

Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. М., 1962. С.142; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.IV. М., 1973. С.208; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т.IV. ч.1. Кн. 2, 6.г. С.122); Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Узбекской ССР. Табл.9с и 10с. М., 1989.

Таблица 6. Поло-возрастная структура русских и украинцев в бывших старожильческих селах (Узбекистан).

а. Верхневольинское на 1989 г.

б. с. Сретенка на 1989 г.

